

ТВОРЧЕСКАЯ МОЛОДОСТЬ

В театре нет легких профессий и не бывает слишком простых задач. В театре, как, впрочем, и во всяком искусстве, все трудно. Трудно быть актером, и, к тому же, отличным. Нелегко выступать в качестве режиссера, оставаясь в душе педагогом, прирожденным воспитателем актерской молодежи. И совсем уж непросто, ох как непросто, нести бремя драматурга детского театра, адресуясь в душе не только к детям, но и ко взрослым, мечтая о театре большой, дерзновенно устремленной в будущее мысли.

Но еще сложнее, чем исполнять каждую из этих обязанностей в отдельности, исполнять их все разом или по очереди, исполнять с полной отдачей душевных сил, не припрятав про запас для самого себя ни капли.

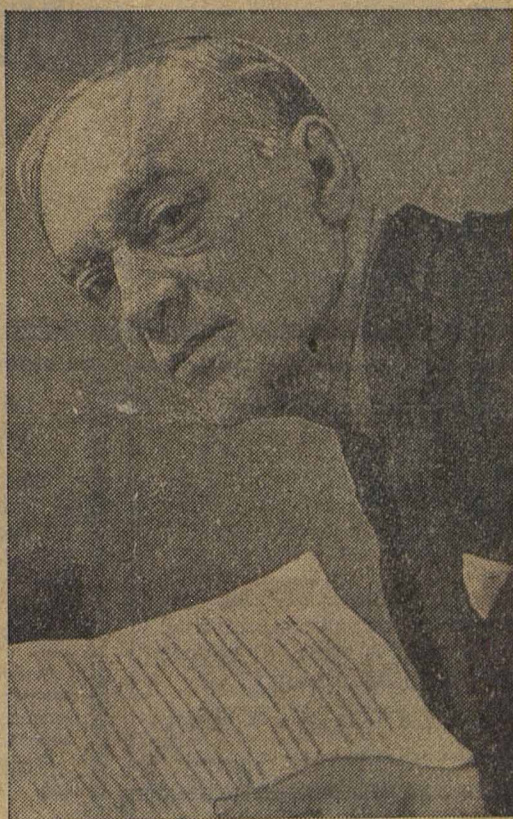
Вот уже на протяжении сорока лет именно так живет в театральном искусстве Леонид Федорович Макарьев, актер и режиссер, драматург и педагог, общественный деятель и ученый. Я не решился бы отдать предпочтение какому-либо одному из этих многочисленных Макарьевых, и не потому, что они равны перед искусством, а потому, что они неотделимы друг от друга и друг без друга немисланны.

Далеко не всегда он делал в театре то, что ему хотелось; чаще ему приходилось делать то, что было насущно необходимо театру. Первоклассный актер, он создал на тюзовской сцене такие яркие, точные и, можно было бы сказать, неопровержимые сценические образы, как Франц Моор в «Разбойниках» или Первый мужик в «Плодах просвещения», и проявил в этих работах безукоризненное чувство стиля и безошибочное мастерство перевоплощения. Совсем другую грань своего актерского таланта показал он, играя умного и проницательного командира Эйно из пьесы Александра Крона «Винтовка 492116» или профессора Веделя из пьесы А. Я. Бруштейн «Продолжение следует» — человека, который с горестным презрением и затаенным мужеством встречает свою тяжкую

судьбу. Его актерский диапазон определялся задачами, которые ставила перед театром жизнь.

Точно так же сама жизнь приказала ему в свое время стать драматургом. Каждой из своих пьес он помогал театру говорить с юными зрителями на самые важные для них темы. Первым опытом этого рода была пьеса «Гражданин Дарней», написанная Макарьевым по мотивам «Повести о двух городах» Ч. Диккенса и поставленная на сцене ТЮЗа в 1925 году. В ту пору приподнятая романтическая театральность встречала горячий отклик юношеской

побеждающую идейно-нравственную силу театрального искусства. Прошли годы — вера в театр, в слово, произнесенное со сцены, во власть высокой и чистой поэзии по-прежнему живет в нем и освещает его путь художника и учителя молодежи. Именно эта вера делает Макарьева неизменно молодым, неутомимым участником живой театральной жизни, человеком, которому так не подходит несколько неподвижное амплуа маститого юбиляра. Именно эта вера помогает ему воспитывать в стенах Института театра, музыки и кинематографии молодых актеров,

Народный артист РСФСР профессор Л. Ф. Макарьев.
Фото В. Фомичева

Продолжая выступать в качестве актера, Макарьев в последние годы тоже брался за перо драматурга и по преимуществу для того, чтобы открыть доступ на тюзовскую сцену самым острым и более всего волнующим тюзовскую аудиторию жизненным проблемам. Такой именно проблемностью была отмечена пьеса «Бунтари» — одна из первых в драматургии попыток осветить сложную и бурную жизнь школы, не сглаживая трудных противоречий, не упрощая процесса внутреннего возмужания школьников. Не все удалось в этой пьесе, но она была во многих отношениях первой принципиально важной попыткой увеличить жанровую, психологическую и интеллектуальную емкость тюзовского спектакля.

В послевоенные годы к театральным профессиям Макарьева прибавилась еще и профессия режиссера, в которой как бы синтезировались его искания актера, драматурга и педагога. Филолог по образованию, он в любой из этих профессий сохраняет свои давние навыки и пристрастия, свое глубокое преклонение перед красотой слова и силой точно выраженной мысли. Много лет назад классическое образование, доступ к латинским и греческим оригиналам разожгли в его душе страсть к театру, редкую веру в могучую и все-

добиваясь, чтобы артистическая молодежь умела по-настоящему думать в искусстве.

В день семидесятилетия Леонида Федоровича Макарьева поздравляли его сегодняшние ученики, его сегодняшние товарищи по театру, его сегодняшние почитатели и друзья. Ко всем этим поздравлениям мне хотелось бы присоединить и свой привет, привет одного из тех зрителей, которые начали проводить вечера в тюзовском амфитеатре как раз тогда, когда Макарьев начал их проводить на тюзовской сцене. Если бы являлась необходимостью удостоверить актерский, драматургический, общественный стаж Леонида Федоровича, я вполне мог бы претендовать на роль свидетеля. Но если говорить по совести, я предпочел бы (и верю в то, что мне это удастся) выступить свидетелем продолжающейся творческой молодости Макарьева, его новых творческих завоеваний.

С. ЦИМБАЛ